

Глава 30. Быкоголовый и Лошадиная морда (Часть 19)

Когда Цэнь Сяолу закончил с нехитрым, но сытным ужином, приготовленным для него Чан Я, тот быстро прибрал посуду. После коротких сборов оба легли в постель.

Сон к Чан Я не шёл. На душе было беспокойно, и он первым нарушил тишину.

— Как ты нашёл наставника после того, как ушёл? И как получил это ранение? Почему жизнь госпожи Шуй висела на волоске?

— У тебя слишком много вопросов, — отозвался Цэнь Сяолу, тоже не смыкая глаз.

Чан Я перевернулся на бок, лицом к нему:

— Тогда отвечай по порядку.

— Ну... — Сяолу на мгновение задумался. — Вести я купил у «Всезнайки». Слышал о таком?

— Слышал, — Чан Я азартно блеснул глазами в темноте. — Говорят, у него найдётся ответ на любой вопрос, были бы деньги. И где ты только отыскал такого пройдоху?

— Секрет.

— Ой, больно надо! — фыркнул Чан Я. — Рассказывай дальше.

— Я передал ему кое-какие сведения о поместье Шуй, а он указал мне верный путь. Когда я встретился с наставником, тот оставил мне зацепку, касающуюся госпожи Шуй, а сам поспешил обратно в Крючковатую луну — нужно было разрушить «Барьер» в море духа молодой госпожи. По этой зацепке я с трудом отыскал госпожу Шуй, но она была уже при смерти. Проверив её состояние, я понял: она приняла яд.

— Яд?! Какая мучительная смерть... Значит, она сама свела счёты с жизнью?

— Да. Старший господин Шуй погиб, и она всё для себя решила. Никто не смог бы её остановить.

— А твоя рана? — При одном воспоминании о жутком порезе на руке Сяолу Чан Я вздрогнул.

Цэнь Сяолу помедлил, прежде чем ответить:

— На меня напали, пока я выслеживал госпожу Шуй. Чудом удалось спастись.

— Так всё было настолько опасно? — Чан Я даже представить не мог, сколько испытаний выпало на долю Сяолу, пока сам он преспокойно сидел дома. Эх, нужно было идти вместе с ним! Но чем бы он помог? К тому же нельзя было оставлять Шуй Цинлин и Чуаньянь одних в Крючковой луне. Случись беда, разве смогла бы обычная девушка защитить их? Чан Я терзали сомнения — ситуация казалась неразрешимой.

— Всё в порядке, — ровным голосом отозвался Цэнь Сяолу.

— Впредь... впредь, если соберёшься куда-то, не смей уходить без меня. Пусть я и не мастер меча, но вдвоём всегда сподручнее.

— Угу, — коротко бросил Сяолу.

— Шуй Цинлин... — Чан Я снова помрачнел. — Перед тем как впасть в забытье, она наверняка пережила страшное потрясение.

— Из-за ссоры с матерью? — спросил Сяолу.

— Это лишь малая часть, от такого рассудок не мутится. Видел бы ты, как она вела себя по отношению к госпоже Шуй после пробуждения... Здесь кроется какая-то иная тайна.

— Очнётся — спросим, тогда всё и прояснится.

— Твоя правда, но всё же... — Чан Я замялся. — Шуй Цинлин ведь ещё не знает, что Лу Цифэна больше нет.

Сяолу долго молчал.

— Что сделано, то сделано.

— Надеюсь, она это выдержит, — вздохнул Чан Я.

— Спи, уже поздно.

С этими словами Цэнь Сяолу задул стоявшую у изголовья масляную лампу.

На следующее утро молодая госпожа Шуй всё ещё не приходила в себя. Чан Я, предупредив дедушку, повёз Цэнь Сяолу в городок Сяшуй. У того началась лихорадка, и нужно было как можно скорее показаться божественному лекарю Таню.

Оставив повозку у ворот медицинской клиники рода Тань, они вошли внутрь.

— Вэй Тун, Божественный лекарь Тань у себя? — спросил Чан Я, зайдя помощника.

— В задних комнатах. Что стряслось? — поднял голову Вэй Тун.

— Со мной всё в порядке, а вот мой младший брат ранен в руку, — объяснил Чан Я, подталкивая Сяолу вперёд.

— Серьёзно? Я позову лекаря.

— У него жар.

Вэй Тун скрылся за дверью и вскоре вернулся.

— Веди брата внутрь, Божественный лекарь ждёт.

Чан Я потянул Цэнь Сяолу за собой в кабинет.

Тань Цзиминь уже разложил инструменты. Окинув вошедших взглядом, он спросил:

— Где болит?

Цэнь Сяолу подошёл и молча закатал рукав:

— Сабельный удар.

— Дай погляжу. — Тань Цзиминь осторожно снял пропитанные кровью лоскуты ткани. Под ними открылась страшная рана: края разошлись, плоть воспалилась и покраснела. — Кто же тебя так приложил? Рубили на совесть.

— Божественный лекарь Тань, у него ещё и лихорадка, — тревожно вставил Чан Я.

— Вижу, рука так и пышет жаром, — Тань Цзиминь посмотрел на него. — Сяо Я-эр, подожди-ка снаружи.

Чан Я замялся, не желая уходить:

— Позвольте мне остаться, обещаю, я и звука не издам.

Но лекарь был непреклонен:

— Хочешь и дальше тянуть время, пока твоему брату не станет хуже?

— Хорошо, хорошо, ухожу, — сдался Чан Я. — Пожалуйста, подлечите его как следует.

Когда дверь за ним закрылась, Тань Цзиминь со вздохом покачал головой и негромко заметил, обращаясь к Сяолу:

— А парень-то за тебя не на шутку переживает.

Чан Я в пятый раз вскакивал с места, когда Цэнь Сяолу наконец вышел из кабинета. Увидев его живым и невредимым, он облегчённо выдохнул. Подойдя ближе, Чан Я не удержался и коснулся лба Сяолу — кожа всё ещё была горячей. Следом вышел Тань Цзиминь и, заметив его беспокойство, пояснил:

— Жар так быстро не спадёт. Я велел Вэй Ту ну собрать вам с собой отвары. И запомни: теперь каждый день нужно привозить его сюда на перевязки.

Чан Я смущённо отдёргнул руку и расплылся в улыбке:

— Спасибо вам большое, Божественный лекарь Тань!

Когда они уже расплатились и направились к выходу, Тань Цзиминь бросил им вдогонку:

— Кость задета, так что покой и только покой. И корми его получше, чтобы рана быстрее затягивалась.

Услышав наставление лекаря, Чан Я, пока они закупались в городке, набрал целую гору припасов: свиные рёбрышки, ямс, ласточкины гнёзда, караси... Уж на этот раз суп из свиных ребрышек с ямсом будет самым что ни на есть настоящим!

Цэнь Сяолу пытался урезонить его, глядя на это безумие:

— Куда столько? Мы и за неделю не съедим.

Чан Я лишь отмахнулся с видом богача, сорящего золотом:

— Пустяки! У нас в доме ледник есть.

Когда они вернулись, молодая госпожа Шуй как раз пришла в себя, и все собрались в её комнате. Шуй Цинлин выглядела пугающе спокойной. Не было ни истерик, ни криков — она словно оцепенела и больше не улыбалась.

— Цифэн... жив ли он ещё? — спросила она, и по её голосу было ясно: надежды у неё не осталось.

— Когда мы нашли его... он уже был мёртв. В своём доме, — с трудом выдавил Чан Я, не в силах смотреть ей в глаза.

— Где... где он сейчас?

— На вершине Пика Ци, что за Ифэйло, — ответил Сяолу.

Шуй Цинлин поникла. Чуаньянь в тревоге сжала её ладонь, едва сдерживая слёзы:

— Госпожа...

— Я в порядке, — Шуй Цинлин слабо коснулась руки служанки.

— Молодая госпожа, вы не могли бы рассказать всё, что вам известно? — Голос Чан Фуляня звучал густо и уверенно, невольно внушая доверие.

Шуй Цинлин отвернулась к окну и, погрузившись в воспоминания, начала свой рассказ:

— Мы с Цифэном любили друг друга. Я восхищалась его благородством, но между нами лежала пропасть. Родители, не спрашивая моего согласия, обручили меня с человеком, которого я и в глаза не видела. Разве могла я предать Цифэна? Конечно, я противилась, но матушка была строга и заперла меня дома. Мне оставалось лишь лгать, что я иду в храм Танби просить богов о милости — только так мы могли видеться. Но мы понимали, что вечно так продолжаться не может. Почему у меня нет права самой выбрать свою судьбу? Неужели только из-за сословных предрассудков и воли родителей? Это несправедливо.

Матушка — женщина непреклонная, если что вобьёт в голову, никого не слушает. Только воля небес могла её переубедить. Мы с Цифэном подумали: если боги скажут, что наш брак с тем

женихом проклят, матушка не станет рисковать моей жизнью. Мы решили разыграть явление Быкоголового и Лошадиной морды. Я должна была притвориться, что видела их, а подкупленный гадатель подтвердил бы мои слова. Но план сорвался... Я сама засомневалась в последний миг. А когда решила попробовать ещё раз объясниться с матерью по-хорошему, всё пошло прахом. Тем вечером я задержалась в храме и по дороге домой столкнулась... с чем-то ужасным.

Цинлин горько усмехнулась:

— Теперь-то я понимаю, что это была чья-то злая шутка. Когда на душе неспокойно, в каждой тени видишь демона. Тогда же я была вне себя от ужаса, решив, что это кара за мою ложь. Я вернулась домой и свалилась в лихорадке. А когда пришла в себя, матушка и вовсе перестала выпускать меня даже в храм. Связь с Цифэном прервалась, я не знала, что с ним. Гнев и обида копились во мне, в голове постоянно звучал голос, призывающий к мятежу. И в конце концов я не выдержала. Мы с матерью страшно поссорились.

Я выбежала из комнаты. В огромном поместье Шуй мне некуда было податься. Я хотела найти отца — он всегда умел выслушать. Но в его покоях было пусто. Блуждая по комнате, я случайно задела механизм... и за платяным шкафом открылся потайной ход.

Цинлин заметно задрожала.

— Там, в темноте, я увидела отца. Точнее... существо, как две капли воды похожее на него. Облик, голос — всё было прежним, но у моего настоящего отца под ухом была родинка. А у этого — нет. Я едва не закричала от ужаса. А потом появился человек в чёрном, он отдавал приказы этому двойнику: следить за матерью и не допускать ошибок. Я нечаянно выдала себя, и меня тут же схватили. Человек в чёрном зажал мне рот платком с каким-то зельем... Но перед тем как потерять сознание, я успела увидеть в глубине комнаты гроб. Крышка была сдвинута, и в нём... в нём лежал мой настоящий отец.

Цинлин задышала чаще, исказившись от невыносимой боли.

— Госпожа, прошу, замолчите! — взмолилась Чуаньянь, поглаживая её по спине. — Вам нужно отдохнуть.

Чан Фулянь задумчиво погладил бороду и кивнул:

— Теперь мне всё ясно. — Он обернулся к остальным. — Выйдите. Мне нужно поговорить с молодой госпожой наедине.

Шуй Цинлин кивнула Чуаньянь, и та, утирая слёзы, вышла вслед за Чан Я и Цэнь Сяолу.